

У. СЫГЕЛ

СДВИГИ В СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЭСТОНСКОЙ ССР НА ЭТАПЕ РАЗВИТОГО СОЦИАЛИЗМА

Представил К. Сийливак

За последнее десятилетие в нашей стране усилилось изучение проблем развития социальной структуры советского общества. Этими проблемами заняты ученые разных областей науки — экономисты, социологи, географы и историки. Этот своего рода «интердисциплинарный» подход может и обязан дать положительные результаты в деле освещения и выявления основных процессов социального развития нашего общества. На необходимость исследования теоретических проблем развитого социализма, изменения социальной структуры и проблем народонаселения было указано и на XXV съезде КПСС.¹

Вышли в свет труды, касающиеся проблем социальной структуры сельского населения в целом, а также отдельных тем в этой проблематике — таких, как межклассовые и внутриклассовые различия сельского населения, социальные проблемы миграции трудовых ресурсов села, особенности культурного и социального облика сельчан, развитие отдельных классов и социальных групп в деревне и т. д. Только за последние годы, особенно в период подготовки к 3-й Всесоюзной конференции по проблемам изучения социальной структуры в Звенигороде в 1976 г., к IV Всемирному конгрессу по социологии деревни в Польше в 1976 г. и к Всемирному съезду социологов в 1978 г. в Швеции, вышло множество изданий по данной проблематике.²

¹ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 214—215.

² Изменения социальной структуры социалистического общества. М., 1976, с. 52—85, 182—202; Рывкина Р. В. Образ жизни сельского населения. Новосибирск, 1979; Симущ П. И. Социальный портрет советского крестьянства. М., 1976, с. 319; Слесарев Г. А. Демографические процессы и социальная структура социалистического общества. М., 1978, с. 100—140; Современная советская деревня. Тезисы докладов советских ученых на IV Всемирном конгрессе по социологии деревни. Польша, Торунь, 9—14 августа 1976 г. М., 1976; Социология и проблемы социального развития. М., 1978; Социология и современность. М., 1977, с. 203—230; Социальная структура развитого социалистического общества в СССР. М., 1976, с. 101—145; Социальное развитие села в период строительства коммунизма. Кишинев, 1976; Социальные факторы и особенности миграции населения СССР. М., 1978, с. 87—99; Староверов В. И. Социальная структура сельского населения СССР на этапе развитого социализма. М., 1978; он же. Советская деревня на этапе развитого социализма. М., 1976; Усиление социальной однородности советского общества. (По материалам Всесоюзной конференции «Изменения в социальной структуре социалистического общества».) М., 1976, с. 100—127; и др. (Обзор ранее вышедшей литературы см.: Сыгел У. Э. Некоторые изменения в социальной структуре сельского населения Эстонской ССР в период развитого социализма (1959—1970 гг.). Тарту, 1976, с. 3—8, 62—71. Рукоп. депонир. в ИНИОН АН СССР от 30 янв. 1979, № 3083.)

В нашей республике лучше всего обстоят дела у экономистов, географов и социологов. Их работы посвящены таким демографическим аспектам сельского населения, как сельское расселение, миграция сельского населения, а также и общим проблемам социального развития села.³

В нашей республике, к сожалению, вопросы социального развития сельского населения в период развитого социализма со стороны историков остаются пока малоизученными. Освещены лишь некоторые стороны социальной структуры сельского населения, обобщающих же работ мало.⁴

Плодотворной может быть совместная работа обществоведов (экономистов, географов, социологов и др.) в изучении сельского населения. Хорошим примером сотрудничества ученых разных областей науки явился проведенный в нашей республике в октябре 1979 г. Всесоюзный научный семинар «Проблемы преодоления существенных различий между городом и деревней»⁵, где были затронуты многие вопросы экономического и социального развития села.

Главное внимание в статье обращено на два концентрира — общедемографические процессы на селе и развитие социально-классовой структуры занятого сельского населения нашей республики. Эти две проблемы очень тесно связаны между собой, ибо общие тенденции развития народонаселения существенно влияют на развитие всего общества, структурными элементами которого являются классы, социальные слои

³ Astaškin, A. Eesti küla ümberkujundamise perspektiividest. — В кн.: Sotsialistliku põllumajanduse areng Nõukogude Eestis. Tallinn, 1976, с. 94—104; Laas, K. Maarahvastiku formeerumise territoriaalsetest iseärasustest Eesti NSV-s. — В кн.: Kaasaja maakorraldus. 2. Tartu, 1967, с. 54—56; Rannik, E. Maarahvastiku sotsiaalse struktuuri muutumisest teaduslik-tehnilise revolutsiooni tingimustes. — В кн.: Sotsialistliku põllumajanduse areng Nõukogude Eestis. Tallinn, 1976, с. 152—166; Асташкин А. Переустройство эстонской деревни. Таллин, 1974; Лаас К. О структуре и размещении сельского населения в Эстонской ССР. — В кн.: Научное совещание по вопросам планировки сельскохозяйственных районов и сельских населенных мест. Рез. докл. Таллин, 1966, с. 83—88; Марксоо А. О демографической структуре сельских поселений Эстонской ССР. — Уч. зап. Тартуского ун-та. Тр. по географии. VII. Тарту, 1969, с. 127—146; она же. О роли миграции в развитии сельского населения. — В кн.: Изучение проблем социально-экономической и социальной географии. Тарту, 1979, с. 110—125; она же. Причинная структура миграционных потоков в системе расселения Эстонской ССР. — Уч. зап. Тартуского ун-та. Тр. по географии. XII. Тарту, 1974, с. 32—46; Марксоо А., Тонсивер Х. Урбанизация и миграция в Эстонской ССР. — В кн.: Урбанизация. Рабочий класс. Интеллигенция. Таллин, 1979, с. 81—103; Ранник Э. Новый облик и социальная структура села. — В кн.: Социологические очерки о Советской Эстонии. Таллин, 1979, с. 28—31; он же. Об изменениях занятости и социальной структуре сельского населения Эстонской ССР в 1959—1970 гг. — В кн.: Социальная структура. Труд. Свободное время. Таллин, 1975, с. 10—27; он же. О некоторых чертах изменения социальной структуры сельского населения Эстонской ССР в 1959—1970 гг. — В кн.: Проблемы исторической демографии СССР. Таллин, 1977, с. 234—239.

⁴ Pullat, R. Muutused maarahvastiku sotsiaalses struktuuris. — В кн.: Pullat, R. Nõukogude Eesti ühiskonna sotsiaalse struktuuri peamised arengujooned. Tallinn, 1977, с. 43—54; Pullat, R., Siilivask, K. Nõukogude Eesti sotsiaalne struktuur. — ENSV TA Toim. Ühisk., 1977, т. 26, № 2, с. 147—154; Пуллат Р. Изменение в социальной структуре сельского населения. — В кн.: Пуллат Р. Социальная структура Советской Эстонии. Таллин, 1976, с. 90—117; и другие работы Р. Пуллата.

⁵ Проблемы деревни и города. Т. I. Методологические и методические аспекты исследования. Т. II. Региональные аспекты социально-экономического развития. Таллин—Тарту, 1979.

и группы. И, наоборот, понять демографические явления можно только при рассмотрении развития населения в связи с общественным развитием в целом. Сельское население как составная часть социальной структуры социалистического общества изменяется в том же направлении к социальной однородности, хотя и имеет специфические черты.

В общей динамике сельского населения Эстонской ССР убыль за период с 1959 по 1970 г. составила 46,4 тыс. чел. (с 521,3 до 474,9 тыс.).⁶ Изменение численности сельского населения зависит от многих факторов. Естественный прирост на селе стал с середины 1960-х гг. отрицательным из-за снижения рождаемости и повышения смертности. Общий коэффициент рождаемости в сельской местности Эстонии даже ниже, чем в городах.⁷

На данном этапе большое значение имеет также процесс механической убыли сельского населения, который в свою очередь состоит из нескольких компонентов. По сравнению непосредственно с послевоенным временем понизилась доля административных преобразований в общем уменьшении сельского населения. Зато миграционные процессы как между городом и деревней, так и внутри села остались важным фактором в изменении числа сельчан. К сожалению, точное определение очень большого числа миграционных потоков, их количественного и качественного состава остается для исследователя-историка очень сложной задачей из-за несовершенства нашей социальной статистики. Некоторые выводы можно делать лишь на основе материалов Всесоюзной переписи населения 1970 г., где имеются данные о движении населения, полученные путем выборочного анкетирования среди 25% населения за 1968—1969 гг.⁸ В общей численности прибывших в сельскую местность Эстонии необходимо различать три потока: 1) прибывшие из городов Эстонии, 2) из городов и 3) из сельской местности других союзных республик. В указанный период удельный вес прибывших из других республик составил примерно $\frac{2}{5}$ от общей численности притока в сельскую местность Эстонии, что можно объяснить прибытием большого числа жителей из среднеазиатских республик. Но так как эти два года были по упомянутой причине нетипичными, число прибывших в сельскую местность Эстонии было даже больше числа выбывших.

Выбывших из села также можно разделить на три потока: 1) в города нашей республики, 2) в города и 3) села других республик. Из всех выбывших первый путь избрали примерно $\frac{4}{5}$. В связи с тем, что в потоке «село—город» лица трудоспособного возраста (16—54 года у женщин и 16—59 лет у мужчин) составляют примерно $\frac{3}{4}$, а в обратном потоке «город—село» только $\frac{2}{3}$, в большой мере происходит процесс изменения возрастной и половой структуры сельского населения. Но здесь надо отметить, что и миграционные процессы внутри села, а особенно потоки в определенные типы сельских поселений (центры хозяйств и т. п.), где также большую часть составляет молодежь, влияют на территориальный разрез поло-возрастной структуры сельского населения, обеспечивая в этих поселениях также увеличение населения в

⁶ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. Эстонская ССР. М., 1962, с. 19; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. II. М., 1973, с. 74—75. См. также: Сыгел У. О некоторых демографических аспектах развития сельского населения Эстонской ССР в 1959—1970 гг. — В кн.: Второй Всесоюзный семинар по исторической демографии. Тезисы докл. Рига, 1977, с. 41—43.

⁷ Там же А. И. Динамика и факторы рождаемости в Эстонской ССР. — В кн.: Проблемы демографической статистики. М., 1966, с. 170—172.

⁸ См. Марксоо А. Причинная структура миграционных потоков в системе населения Эстонской ССР, с. 32 и след.

результате естественного и механического прироста.⁹ Вследствие развития в крупных сельских поселениях других отраслей народного хозяйства там намечается также повышение удельного веса несельскохозяйственного населения, что в свою очередь приводит к усложнению социального состава жителей этих поселений.

Вышеуказанные процессы имели большое влияние и на изменение поло-возрастной структуры сельского населения нашей республики. Уменьшился удельный вес лиц трудоспособного возраста (с 51,4 до 48,1%), что сказалось и на снижении доли занятых с 51,5% в 1959 г. до 45,5% в 1970 г.¹⁰

Снизился также удельный вес некоторых возрастных групп, например, 20—29- и 50—59-летних. Повысилась доля группы 30—39-летних и людей старше трудоспособного возраста. Хотя общее снижение числа лиц трудоспособного возраста сельского населения в Эстонии сравнительно быстрое, однако в перспективных возрастных группах, особенно среди молодежи, оно происходило медленнее, чем во всесоюзном масштабе.¹¹

Принимая во внимание особое значение молодежи для будущего развития нашего народного хозяйства — теперь уже как основного источника пополнения рабочей силы, следует подробнее рассмотреть демографические характеристики сельской молодежи. Молодежь как особая возрастная группа трудовых ресурсов характеризуется прежде всего тем, что находится в стадии трудового самоопределения. Нижняя граница этой группы — возраст достижения трудоспособности, верхняя граница — возраст достижения трудовой и социальной стабильности.

Численность молодежи в возрасте от 16 до 29 лет на селе снизилась с 94,4 тыс. в 1959 г. до 77,8 тыс. в 1970 г. (на 16,6 тыс.).¹² Уменьшился и удельный вес молодежи в населении трудоспособного возраста — с 35,2 до 34,0%. Существенным образом изменилась и численность отдельных возрастных групп сельской молодежи. Сравним изменения численности двух возрастных групп Эстонской ССР и в целом по СССР — 20—24 года и 25—29 лет, так как на динамику этих групп как правило не влияет призыв в армию, на них еще не отразилось и падение рождаемости, начавшееся в 60-е годы. В 1959 г. в селах Эстонии на каждую 1000 жителей приходилось 65 чел. в возрасте 20—24 года (в СССР в целом 87), а в 1970 г. — 56 чел. (в СССР в целом 49). Как видим, падение удельного веса данной группы во всесоюзном масштабе происходило намного быстрее. То же отмечается и для группы лиц в возрасте 25—29 лет — в Эстонии снижение с 65 до 59, в СССР в целом с 80 до 42 чел.¹³

Хотя уменьшение молодежных возрастных групп в целом в Эстонии и не происходило такими быстрыми темпами, как во всесоюзном масштабе, однако можно наблюдать существенные диспропорции в половой структуре среди сельской молодежи. Если в 1959 г. в возрастной группе 20—24 года на 1000 мужчин приходилось 934 женщины, то в 1970 г.

⁹ Марксоо А. О демографической структуре сельских поселений Эстонской ССР, с. 141.

¹⁰ Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года, т. II, с. 74—75; т. V, с. 154—155, 160—161.

¹¹ Трудовые ресурсы: формирование и использование. М., 1975, с. 69.

¹² Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. Эстонская ССР, с. 19; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года, т. II, с. 74—75. Расчет наш.

¹³ Трудовые ресурсы: формирование и использование, с. 69—70; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. Эстонская ССР, с. 19; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года, т. II, с. 74—75. Расчет наш.

только 777. И в следующей группе этот показатель в 1970 г. равнялся 878. Быстрое уменьшение числа молодых женщин на селе повлияло и на изменение удельного веса женщин среди сельского населения в трудоспособном возрасте: с 52,6% в 1959 г. до 48,1% в 1970 г. Только среди лиц пенсионного возраста женщины имеют большой перевес, что связано и с последствиями войны.¹⁴

Можно назвать несколько факторов, которые обусловили такого рода диспропорции в половой структуре молодежи. Их выявление и ликвидация имеют огромное значение для дальнейшего развития сельского хозяйства республики. Ведь в противном случае демографическая структура сельского населения будет разрушаться и сельское хозяйство лишится в перспективе большого числа молодежи, которая должна составить в будущем почти единственный источник пополнения рабочей силы на селе.

Можно, конечно, представить чисто субъективные рассуждения, относящиеся к причинам уменьшения численности молодежи (и особенно девушек) в сельской местности. Одним из факторов миграции молодежи в города является получение общего среднего образования в городских средних школах. Через этот канал в город поступает значительная часть сельских девушек и, к сожалению, остается там после окончания учебы, так как сельскохозяйственный труд становится уже непривлекательным для них. Конечно, часть девушек возвращается в село после окончания сельскохозяйственного техникума и других учебных заведений, но их количество не компенсирует имеющийся отток. Для ликвидации этого следовало бы в сельской местности увеличить число рабочих мест в несельскохозяйственной сфере — в обслуживании, торговле и т. д. Кроме того, с полным переводом сельскохозяйственного производства на промышленную основу будет, очевидно, преобладать именно мужской труд, и поэтому просто необходимо найти сферу приложения труда в деревне и для женщин. Вторым каналом оттока сельской молодежи в города является система профтехобразования. Выходцы из сельской местности составляют ежегодно половину принятых в профтехучилища, но удельный вес сельской молодежи среди всей молодежи намного ниже. Так, сельские юноши и девушки во время острого дефицита рабочей силы на селе пополняют ряды городских тружеников. В то же время сельские профтехучилища часто даже не выполняют планы приема учащихся. Для ликвидации этой ошибки следовало бы значительно расширить перечень специальностей в сельских профтехучилищах, в которых нуждается сегодняшнее сельскохозяйственное производство, а также поставить на реалистическую основу профессиональную ориентацию сельской молодежи.¹⁵

При распределении занятого населения по характеру труда и по месту его в системе общественного разделения труда можно выделить две большие группы людей, занятых преимущественно физическим и преимущественно умственным трудом (см. таблицу). За рассматриваемые годы численность группы, занятой преимущественно физическим трудом, уменьшилась на 60 тыс., а удельный вес этой группы в общей численности занятого населения упал с 87,6 до 80,5%. Приблизительно можно выяснить и численность занятых физическим и умственным тру-

¹⁴ См. подробнее: Сыгел У. Изменение численности и удельного веса молодежи в структуре сельского населения Эстонской ССР. — В кн.: Молодежь и комсомол в социалистическом обществе. Тезисы докладов на Республиканской конференции молодых обществоведов, посвященной 60-летию ЛКСМ Эстонии. Таллин, 1979, с. 16—21.

¹⁵ См. Saarup, J. Oskustööliste koolitamisest. — Sotsialistlik Põllumajandus, 1979, № 22, с. 872—873.

Социальная структура занятого сельского населения Эстонской ССР (тыс. чел.)*

Секторы	Отрасли	1959 г.			1970 г.		
		Все занятые	Занятые физическим трудом	Занятые умственным трудом	Все занятые	Занятые физическим трудом	Занятые умственным трудом
Государственный	Учреждения и предприятия, обслуживающие население	29,3	12,3	17,0	38,0	17,1	20,9
	Промышленность, строительство, транспорт, связь и др.	45,1	39,4	5,7	56,4	49,4	7,0
	Сельское (и лесное) хозяйство	54,1	48,9	5,2	59,9	51,1	8,8
Колхозно-кооперативный	Все отрасли	126,7	123,2	3,5	61,1	56,1	5,0
Прочее сельское население		13,2	11,2	2,0	1,9	1,3	0,6
Все занятое население		268,4	235,0	33,4	217,3	175,0	42,3

* Составлена по расчетам автора при использовании следующих материалов: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. Сводный том, с. 131; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. Эстонская ССР, с. 39; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года, т. V, с. 293; т. VI, с. 13. Методика составления таблицы принадлежит Ю. В. Арутюняну (Арутюнян Ю. В. Социальная структура сельского населения СССР. М., 1971, с. 77—78).

дом в государственном и колхозно-кооперативном секторах. Таким образом мы сможем получить более конкретную картину социальной структуры сельского населения. В государственном секторе в 1959 г. работало 48% занятого сельского населения (против 40% по СССР в целом), а в 1970 г. уже 71%, что свидетельствует о бурном развитии этого сектора в эстонской деревне. Из лиц, занятых физическим трудом, в государственном секторе работало соответственно 43 и 67%, а из работников умственного труда 83 и 87%. Повысился и удельный вес лиц умственного труда среди всех колхозников: с 3,5% в 1959 г. до 8,2% в 1970 г. Самая высокая доля лиц умственного труда в государственном секторе наблюдалась среди занятых в непроизводственной сфере (в торговле, общественном питании и т. п.). Поднялся и удельный вес лиц умственного труда среди занятых в государственном секторе сельского и лесного хозяйства с 5,2 до 8,8%.

В процессе изменения социально-классовой структуры занятого сельского населения можно заметить, что на первое место к 1970 г. выдвинулся сельский рабочий класс (54,4% в 1970 г. против 41,4% в 1959 г.). В то же время снизилась доля сельских рабочих в общей численности всего рабочего класса Эстонии: с 32,3% в 1959 г. до 26,9% в 1970 г. Это связано с тем, что темпы роста численности сельских рабочих (108%) отставали от темпов роста всего рабочего класса Эстонии (129%). Хотя рост численности рабочих в абсолютных числах был незначительным (со 109,7 до 118,1 тыс. чел.), внутри сельского отряда рабочего класса произошли существенные сдвиги. Во внутриклассовой

структуре быстро увеличилась группа рабочих, занятых в индустриальной сфере (рабочие в промышленности, строительстве, транспорте и связи), — с 35,9 до 41,8%.¹⁶

Аграрные рабочие занимали первое место в отраслевой структуре сельских рабочих, в значительной степени уступая темпам роста этого отряда, если сравнить с всесоюзными показателями. Процесс уменьшения доли аграрных рабочих среди сельских рабочих подтверждает предположение о том, что «тенденция роста аграрного отряда рабочего класса преходяща и уже в рамках текущего десятилетия (т. е. в 1970-е гг. — У. С.) должна смениться тенденцией постоянного уменьшения не только доли его среди всех занятых сельских рабочих, но и численности, что обусловлено научно-технической революцией».¹⁷

Вопрос о роли и месте аграрных рабочих в социальной структуре советского общества остается пока дискуссионным. По мнению многих ученых, аграрными рабочими являются люди, занятые преимущественно физическим трудом в совхозах и на других государственных производственных сельскохозяйственных предприятиях, непосредственно производящих сельскохозяйственную продукцию.¹⁸ Надо согласиться с выводами, что в первую очередь аграрные рабочие представляют собой органическую часть рабочего класса в целом. Они, «как и рабочие промышленности, заняты непосредственно производственным трудом на государственных предприятиях, труд их объединен в масштабе всего общества. В то же время средства, предмет и продукт труда, его содержание, формы организации и оплаты, условия быта сельскохозяйственных рабочих отражают специфику сельскохозяйственного производства. Общее со всем рабочим классом отличает их от колхозного крестьянства, особенное — сближает с ним».¹⁹ В то же время аграрные рабочие являются промежуточной социальной группой между индустриальными рабочими и колхозным крестьянством.²⁰ Социальную близость совхозных рабочих и колхозного крестьянства подтверждает и то обстоятельство, что главным источником пополнения работников совхозов долгое время были колхозники. Особенно интенсивным являлся этот процесс во второй половине 1950-х гг., когда большое количество колхозов было преобразовано в совхозы. Только за 1955—1960 гг. в нашей республике численность рабочих в основном производстве совхозов увеличилась с 16,0 до 41,0 тыс. чел. (или на 25,0 тыс.). Ликвидация части колхозов в связи с преобразованием их в совхозы повлияла и на уменьшение среднегодового числа колхозников, участвовавших в обществен-

¹⁶ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. Эстонская ССР, с. 39; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года, т. V, с. 293. Расчет наш.

¹⁷ Староверов В. И. Некоторые вопросы сравнительного исследования социальной структуры сельского населения. — В кн.: Изменения социальной структуры социалистического общества. М., 1976, с. 65—66.

¹⁸ См. Кучкина Л. П. Сельскохозяйственные рабочие в условиях развитого социализма. — Вопросы истории, 1974, № 3, с. 27; Монич З. И., Изов В. П., Прудник И. В. Рабочий класс в структуре сельского населения. Минск, 1975, с. 79; Социальное развитие села в период строительства коммунизма, с. 224—225; Староверов В. И. Советская деревня на этапе развитого социализма, с. 81; и др.

¹⁹ Ярмолук С. Ф. Социальный облик современного сельскохозяйственного рабочего. Автореф. канд. дис. М., 1975, с. 7.

²⁰ См. подробнее: Сыгел У. Аграрный отряд рабочего класса развитого социалистического общества (к историографии вопроса). — В кн.: Урбанизация. Рабочий класс. Интеллигенция. Таллин, 1979, с. 29—48; он же. Сельский рабочий класс в социальной структуре сельского населения Эстонской ССР. — В кн.: Социологические проблемы взаимодействия личности и социальных групп в условиях развитого общества. Сб. № 5. Секция «Социологические проблемы социальной структуры общества». Материалы к научной конференции. Вильнюс, 1977, с. 71—75.

ном хозяйстве: со 122,9 в 1955 г. до 90,5 тыс. чел. в 1960 г., или на 32,4 тыс.²¹ Процесс реорганизации колхозов в совхозы продолжался и в последующее время, хотя уже не в таких масштабах, и колхозное крестьянство, особенно с конца 1960-х гг., перестало быть массовым источником пополнения аграрных рабочих. Общая численность аграрных рабочих повысилась в период между переписями населения 1959 и 1970 гг. с 48,9 до 51,1 тыс. чел., или на 2,2 тыс.

В класс колхозного крестьянства входят работники агросферы, труд которых базируется на колхозно-кооперативной социалистической собственности на средства производства и которые создают общественное богатство непосредственным воздействием на материальные средства производства, т. е. это люди, занятые преимущественно физическим трудом.²² Последнее обуславливает и то, что не все колхозники включаются в класс колхозного крестьянства. По мнению многих авторов, и с ними можно согласиться, сюда не относятся лица, занятые преимущественно умственным трудом в колхозах, т. е. колхозные служащие и интеллигенция, которые по характеру и содержанию выполняемого ими труда входят в слой сельской интеллигенции.²³

Общая численность всех занятых колхозников в нашей республике понизилась в период между 1959 и 1970 гг. со 126,7 до 61,1 тыс. чел., или на 65,6 тыс. Это вызвало и уменьшение их удельного веса в социально-классовой структуре занятого сельского населения с 47,2 до 28,1%.

В связи с уменьшением числа колхозников выявляется их социальная мобильность в нескольких направлениях перемещения и смены их статуса: перемещение в город и включение колхозников в различные социальные группы городского населения, перемещение в состав сельских рабочих, занятых в совхозах, и превращение в представителей промышленного рабочего класса, которые проживают в сельской местности.²⁴ Социальная мобильность колхозников влияет на процесс сближения классов, когда преобразуются все системные элементы социальной структуры. К сожалению, по официальным статистическим данным невозможно охарактеризовать потоки и направления социальной мобильности отдельных классов и социальных групп. Здесь можно опираться только на данные социологических исследований, из которых выясняется, что в период с 1968 по 1973 г. социальная мобильность колхозников лишь ненамного превышала средний уровень социальной мобильности в республике. «Это — новое явление, которое в более ранние годы не наблюдалось. Социальные перемещения колхозников ограничивались, главным образом, обменом кадрами с рабочим классом, но среди прибывших довольно значительную часть составляли

²¹ См. Luht, F. Eesti NSV sovhooside areng ja ökonomika. Tallinn, 1972; Kasepalu, A. Sotsialistlike põllumajandusettevõtete arengust Nõukogude Eestis aastail 1944—1976. — В кн.: Sotsialistliku põllumajanduse arengust Nõukogude Eestis. Tallinn, 1976, с. 125 и след.; Сыгел У. Изменение численности колхозного крестьянства и пополнение рядов аграрных рабочих Советской Прибалтики в 1955—1960 гг. — В кн.: Тридцать лет по социалистическому пути. Тезисы докладов и сообщений Всесоюзной научной конференции. Т. 2. Социально-экономические итоги коллективизации. Вильнюс, 1979, с. 74—80.

²² Амвросов А. А., Староверов В. И. Социальный облик современного колхозного крестьянства. — Социологические исследования, 1975, № 2, с. 23.

²³ Руткевич М. Н. Тенденции изменения социальной структуры советского общества. — Социологические исследования, 1975, № 1, с. 67; и др.

²⁴ Ладыжинский Я. П. О социальной группе сельских промышленных рабочих. — В кн.: Изменение социальной структуры советского общества. Вып. VI. Свердловск, 1971, с. 22.

интеллигенция и служащие. Это очевидно было связано с прогрессивными переменами, происшедшими в комплексной механизации и индустриализации сельского хозяйства, что, в свою очередь, выдвинуло новые требования к колхозным кадрам. В результате названного перемещения улучшилась квалификационная структура колхозного крестьянства».²⁵

Изучением качественных и количественных характеристик колхозников истории нашей республики, к сожалению, занимались относительно мало. Некоторые стороны демографического развития и территориального размещения колхозников рассмотрены У. Тоомом.²⁶ Что касается профессиональной структуры колхозного крестьянства, то эта проблема, как и вопросы профессионального разделения аграрных рабочих и источников пополнения сельскохозяйственных работников, нуждается в дальнейшей разработке, хотя некоторые труды обществоведов в этой области уже имеются.²⁷

Рассмотрим теперь динамику социального слоя сельской интеллигенции, которую в научной литературе делят на две большие группы: интеллигенцию и служащих-неспециалистов. Критерием деления служит содержание выполняемого умственного труда, т. е. степень его интеллектуальной сложности.²⁸ В состав интеллигенции главным образом входят лица, занятые квалифицированным умственным трудом, требующим как правило высшего или среднего специального образования. К служащим относятся работники, занятые относительно несложным умственным трудом. Внутри сельской интеллигенции можно выделить такие профессиональные подгруппы, как занятые в сфере материального производства (здесь наиболее крупным является отряд сельскохозяйственной интеллигенции) и занятые в непродовольственной сфере (педагоги, медицинские работники, культурно-просветительные работники и др.). Основными источниками пополнения сельской интеллигенции являются, конечно, все высшие и средние специальные учебные заведения нашей и других республик. Основную нагрузку несут Эстонская сельскохозяйственная академия и совхозы-техникумы. Динамика и внутреннее развитие сельской интеллигенции Эстонской ССР является весьма интересной проблемой, однако ей еще не уделено должного внимания со стороны наших историков. Можно назвать лишь отдельные статьи по этой тематике.²⁹

²⁵ Ранник Э. Социальные перемещения трудящихся в Эстонской ССР как фактор развития социальной структуры (1968—1973 гг.). — В кн.: Проблемы социальной структуры республик Советской Прибалтики. Таллин, 1978, с. 85, 87, 89.

²⁶ Тоом У. Изменения в структуре колхозного крестьянства Эстонской ССР в 1960—1965 гг. — В кн.: Тридцать лет по социалистическому пути. Тезисы докладов и сообщений Всесоюзной научной конференции. Т. 2. Социально-экономические итоги коллективизации. Вильнюс, 1979, с. 81—84.

²⁷ Вихалемм П., Лью А. Об опыте социологического изучения сельской жизни в Эстонской селхозакадемии. — В кн.: Проблемы деревни и города. Т. I. Методологические и методические аспекты исследования. Таллин—Тарту, 1979, с. 62—68; Лойт Т., Лью А. Проблемы рабочей силы в сельском хозяйстве. — Коммунист Эстонии, 1979, № 1, с. 27—31; Лью А. Стабильность кадров и трудовая мобильность в хозяйствах Вильяндиского сельхозобъединения. — В кн.: Основные направления повышения эффективного использования трудовых ресурсов в Эстонской ССР. Тезисы выступлений Республиканской научно-практической конференции. Таллин, 1979, с. 127—129; Рубин М., Сыгел У., Тоом У. Некоторые аспекты социально-экономического развития эстонской деревни в 1950—1975 гг. — В кн.: Проблемы развития социально-экономических формаций в странах Балтики. Материалы исторической конференции. Таллин, 1978, с. 58—68; и др.

²⁸ Монич З. И. Интеллигенция в структуре сельского населения (на материалах БССР). Минск, 1971, с. 10—11.

²⁹ Шевцов В. Некоторые закономерности формирования сельскохозяйственной

При анализе социальной структуры сельского населения Эстонской ССР на этапе развитого социализма следует рассмотреть также многие количественные и качественные изменения состава сельских трудящихся — образовательный уровень, социально-профессиональное разделение, социальный облик, культурно-технический уровень сельских жителей и др., но рамки данной статьи и малочисленность исследований в этих областях пока не позволяют этого сделать.

В итоге можно сказать, что в течение исследуемого периода коренным образом изменились общедемографическое положение и социальная структура сельского населения Эстонской ССР. Увеличился удельный вес сельского рабочего класса, особенно среди занятых в несельскохозяйственном производстве. Повысились доля и уровень квалификации сельской интеллигенции, занятой квалифицированным умственным трудом. Стираются классовые различия среди занятого в сельском хозяйстве населения, вместо них доминирующими становятся различия между профессиональными группами по характеру выполняемого труда. Поднялся и образовательный уровень населения, особенно среди колхозников, что содействует повышению их культурно-технического уровня. Особого внимания в данный момент требуют проблемы профессиональной ориентации и трудоустройства сельской молодежи.

На XXV съезде КПСС было отмечено, что «коренные перемены в жизни села нельзя измерить только статистическими показателями. Это — глубочайшие по своим масштабам и общественным последствиям социально-экономические преобразования».³⁰

Задачи историков в том, чтобы более полно, комплексно, в сотрудничестве с учеными других сфер науки — экономистами, социологами, географами и др. дать объективную оценку социального развития всего нашего общества на этапе развитого социализма, в том числе и сельского населения. Ликвидировать существующие пробелы в этом — дело первостепенной важности.

интеллигенции в Эстонской ССР в 60—70-х годах. — В кн.: Второй Всесоюзный семинар по исторической демографии. Тезисы докл. Рига, 1977, с. 43—45; он же. Некоторые тенденции развития сельской интеллигенции Эстонской ССР в период развитого социализма. — В кн.: КП Эстонии во главе рабочего класса и его союзников в период борьбы за Советскую власть и строительство социализма. Тезисы докладов научной конференции. Таллин, 1979, с. 73—76; Тоом У., Шевцов В. Сельскохозяйственная интеллигенция Эстонской ССР в период развитого социализма. — В кн.: Урбанизация. Рабочий класс. Интеллигенция. Таллин, 1979, с. 188—202; и др.
³⁰ Материалы XXV съезда КПСС, с. 116—117.

*Институт истории
Академии наук Эстонской ССР*

Поступила в редакцию
29/XII 1979

U. SÖGEL

NIHKED EESTI NSV MAARAHVASTIKU SOTSIAALSSES STRUKTUURIS ARENENUD SOTSIALISMI AJAJÄRGUL

Artiklis on analüüsitud Eesti NSV maarahvastikus toimunud demograafilisi protsesse (loomulikku ja mehaanilist iivet, soolise ja vanuselise struktuuri muutumist, maanoorte arvukuse muutumisega seotud probleeme jm.) ja sotsiaal-klassilise struktuuri muutusi; on esitatud klassisisese struktuuri (eriti maatöölisklassi) elemendid. On vaadeldud põhiliselt vaimset ja füüsilist tööd tegevate töötajate jaotust riiklikus ja kolhooslik-kooperaatiivses sektoris ning nende vahel.

On antud ka ülevaade põukogude, sealhulgas Eesti NSV ajaloolaste, sotsioloogide, majandusteadlaste jt. viimase aja tööddest, mis käsitlevad maarahvastiku sotsiaalse struktuuri arengut, ning juhitud tähelepanu nende probleemide ühise uurimise tõhustamise vajalikkusele.

*Eesti NSV Teaduste Akadeemia
Ajaloos Instituut*

Toimetusse saabunud
29. XII 1979

U. SÖGEL

SHIFTS IN THE SOCIAL STRUCTURE OF THE RURAL POPULATION OF THE ESTONIAN SSR AT THE STAGE OF DEVELOPED SOCIALISM

In the article main attention is paid to the analysis of shifts in the social structure of the rural population of the Estonian SSR at the stage of developed socialism.

On the one hand, the evaluation of demographical processes (natural and mechanical mobility, changes at age and sex levels, problems connected with the decrease of rural youth, etc.) is under observation.

On the other hand, the tendencies in the social and class structure of the rural population are shown and the elements of the intraclass structure (especially that of the rural working class) are pointed out. The distribution of physical and mental workers among the state and collective-cooperative sectors is also shown.

A review is presented of the studies on the development of the social structure of the rural population published by Soviet historians, economists and sociologists, simultaneously pointing to the necessity of an intense cooperation in the investigation of these problems.

*Academy of Sciences of the Estonian SSR,
Institute of History*

Received
Dec. 29, 1979